

Лариса Шпаковская

Barbara Alpern Engel. Marriage, Household and Home in Modern Russia: From Peter the Great to Vladimir Putin. London: Bloomsbury Academic, 2022. 288 pp. ISBN 9781350014466.

*Лариса Шпаковская, Университет Хельсинки. Адрес для переписки:
University of Helsinki, PO Box 54 (Unioninkatu 37), Helsinki, 00014, Finland.
larisa.shpakovskaya@helsinki.fi.*

Книга американского историка Барбары Альперн Энгель «Семья, домохозяйство и дом в современной России: От Петра I до Владимира Путина» представляет собой макроисторическое исследование частной жизни в России в период с XVIII века до 24 февраля 2022 года. Барбара Энгель – историк, ее работы хорошо известны специалистам в области истории женщин и семьи в России. Книга основана на анализе широкого набора источников: статистика, данные переписей, законодательство, мемуары, литературные тексты, личные дневники и переписка обычных людей. Читатели видят общую картину того, как менялась конфигурация отношений семьи, государства и церкви, одновременно слышат голоса женщин и мужчин, живших в разные исторические периоды. Автор показывает, как институты семьи и брака проживались их участниками, какие напряжения они создавали в приватной жизни людей, каким их потребностям удовлетворяли.

В книге пересматриваются расхожие представления о семье и устройстве частной жизни в России. Метод, который использует Энгель, состоит в том, чтобы показать, как институты семьи и брака функционировали в прошлом, как трансформировались под воздействием внешних обстоятельств и благодаря чему одни их элементы сохранялись на протяжении веков, а другие исчезали.

Мы видим, например, каким образом трансформировалась многопоколенная расширенная семья, являвшаяся основой социального устройства с XVII века. Довольно долго такая семья являлась, в частности, и стабильной формой крестьянского хозяйства: будучи хозяйственной единицей, она выступала единицей налогообложения для государства и землевладельцев (помещиков) в XVIII веке. Властям различного типа было намного проще иметь дело с крупными крестьянскими домохозяйствами, возглавляемыми большаками (как правило, старшими мужчинами в семейном клане), чем с мелкими домохозяйствами. В тех регионах России, где отсутствовало крепостное право, семьи имели более простую структуру, а власть большаков была ограниченной. Советы и сходки большаков представляли собой и форму местного самоуправления. В отсутствие других институтов расширенные семьи решали вопросы обеспечения благосостояния своих членов, опекунов над сиротами и поддержки старых или больных родственников. В то же время такие семьи представляли собой место властного напряжения и конфликта интересов представителей разных поколений. Нередко они естественным образом распались на более мелкие семьи сразу же после смерти большака и таким образом освобождались от его безусловной власти (см. главу 3). В условиях

крестьянских реформ середины XIX века и последующих политических вызовов, открывших возможности для индивидуальной мобильности, расширенная семья как особый институт утрачивала свою актуальность (см. главу 5). Тем не менее такая семья не исчезает, а в той или иной форме расширенные семьи вновь (пере) собираются как «ответ» на социальную нестабильность, периоды голода, жизненные ситуации, заставляющие людей подчинить личные интересы необходимости физического выживания. Так, наблюдаемая антропологами также и в начале XXI века в России базовая форма домохозяйства, состоящая из совместно осуществляющих заботу о детях женщин старшего (бабушек) и младшего (дочерей или невесток) поколений, в XX веке неоднократно становилась способом приспособления к разного рода условиям: к нехватке жилья и продовольственным дефицитам, недостатку экономических ресурсов, недостаточному обеспечению местами в детских садах и отсутствию инфраструктуры заботы о пожилых (главы 8, 9) (Utrata 2015). И напротив, периоды стабильности, экономического благополучия становились в то же время периодами индивидуализации, частной жизни, приватности и нуклеарной семьи.

Семья представителей высших сословий, несмотря на их привилегированный статус, отсутствие очевидной экономической стесненности, на протяжении XVIII века также трансформируется. Патриархатные принципы в этой среде изменяются под воздействием распространения культуры сензитивности (*sensibility*), которую приносит просвещение и чтение западных романов. Образованные люди начинают писать дневники и личные письма, в которых описывают и анализируют свои чувства, придавать значение любви и личным предпочтениям. Так, если в XVII веке в дворянской среде (как и среди представителей других сословий) выбор брачного партнера для младших осуществлялся исключительно старшими членами семьи на основе статусных и экономических интересов, то уже в XVIII веке представители образованных элит соглашались с тем, что этот выбор должен быть одобрен и самими будущими супругами (см. главу 2). Культура сензитивности начинает видеть личное счастье важным содержанием брака и осуждает домашнее насилие. Она становится статусным элементом стиля жизни высших сословий (глава 4) и постепенно распространяется и на другие слои общества. Фактически Энгель рассматривает всю историю XVIII–XX веков как историю индивидуализации, в процессе которой интересы и потребности индивидов постепенно становятся более важными, чем интересы расширенных семей (а затем – и советских коллективов). Таким образом, семья постепенно трансформируется из сословной расширенной хозяйственной единицы в семью нуклеарную, основанную на идеалах любви и личного счастья в приватном пространстве уюта и психологической защищенности.

Книга также показывает, как трансформируются представления о женственности и мужественности на протяжении анализируемого периода. В XVIII веке, несмотря на зависимый юридический статус, женщины обладали достаточно большим объемом власти. В патриархатной семейной системе подчинения младших старшим и женщин мужчинам молодые женщины (невестки) оказывались самыми уязвимыми. Однако с возрастом, по мере рождения детей, они получали власть

над младшим поколением и даже могли стать главами семей – большухами (глава 3). В дворянских семьях женщины часто полностью распоряжались семейным имуществом, в то время как их мужья посвящали себя государственной или военной службе (глава 2). На протяжении длительного времени материнство не считалось основой женственности. В крестьянских семьях женщины рассматривались прежде всего как трудовые единицы, способные вести хозяйство и участвовать в обработке земли. Добродетели дворянок были связаны с ведением хозяйства и поддержанием контактов с более широким сообществом (с. 35). Представительницы элит предпочитали отдавать своих детей кормилицам. Обсуждение материнства как основы женственности появляется только в XX веке в связи с проталистской политикой советского государства (с. 135). Получив равные гражданские права, советские женщины в то же время оказались фактически бесправными в быту, поскольку были вынуждены совмещать работу в публичной сфере, финансовую ответственность за детей (часто как единственные в семье кормилицы) с домашней работой и заботой о детях в условиях товарного дефицита, нехватки жилья и государственной инфраструктуры (главы 7, 8). При этом ведение «быта» представлялось в официальном дискурсе как исключительно женская задача (глава 9).

Мужественность также трансформируется на протяжении анализируемого периода. Формальная власть старших мужчин постепенно подрывается в XIX веке, когда распространяется отходничество – молодые мужчины начинают уезжать в города на заработки. Из городов они привозят не только опыт независимой жизни, но и деньги, которые в капитализирующейся экономике дают реальную власть и возможности требовать большую автономию. Фактически разрушение патриархата дает больше власти каждому мужчине как участнику трудовых отношений в публичной сфере и главе домохозяйства – в приватной (глава 6). В XX веке мужественность оказывается уязвима. Войны и революции становятся причиной высокой смертности мужского населения и приводят к острому гендерному дисбалансу (с. 162), который еще долго задает политику, а также повседневные гендерные практики «отсутствующего отца», неспособного стать «сильным кормильцем» и отчужденного от семьи дискурсом «строителя коммунизма» и «защитника отечества» (глава 9). Постсоветский период в культурном смысле рассматривается как ответ советскому гендерному порядку. Мужчины получили возможность вернуть себе образ кормильца (по крайней мере в рамках политических и культурных репрезентаций), а женщины – отказаться от двойной нагрузки (глава 10).

Несмотря на то, что практически все описанные в книге явления хорошо известны и проанализированы другими исследователями, эта работа отличается от прочих макроисторическим видением, в котором социальные процессы прослеживаются на протяжении нескольких веков. В книге нет анализа различий этих процессов применительно к разным регионам и этническим группам российского общества. Основные различия прослеживаются между высшими и низшими условиями, городом и деревней, при этом внимание автора сосредоточено на Центральном регионе России, а также на Москве и Санкт-Петербурге. Довольно мало в книге сказано и о положении зависимых групп общества: детей, пожилых, инва-

лидов. Между тем их статус в не меньшей мере отражает роль семьи, государства и церкви в отношении приватности, чем статус взрослых дееспособных мужчин и женщин. В целом книгу можно рекомендовать историкам, социологам, антропологам, демографам, которые занимаются гендерной и семейной проблематикой, а также более широкой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Utrata, Jennifer. 2015. *Women without Men: Single Mothers and Family Change in the New Russia*. Ithaca, NY: Cornell University Press.